

рассказ

Истории старого цветочника

*Айгуль
Талиакберова*

Ж

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ Некрасова и Лесной стоит цветочный киоск. Сколько себя помню, он всегда там был. За прилавком неизменно коренастый мужчина в клетчатой кепке и таком же клетчатом жилете, поверх рубашки с закатанными рукавами. Это хозяин цветочной лавки. Я никогда не интересовался его именем, мы называли его Цветочник.

Видно, что сейчас дела в лавке идут неважно, ларёк давно не обновлялся и по сравнению с яркими павильонами, стоящими рядом, выглядит как собачья конура.

Но в моём детстве это был красивый киоск: окна украшены цветами, яркая вывеска, рядом с дверью большой золотистый колокольчик. До сих пор удивляюсь, как его не украли. На праздники Цветочник вешал шары, распахивал двери, чтобы всем было видно внутреннее убранство. Иногда, особенно в тёплые майские деньки, он выходил на улицу и приглашал прохожих купить букет. В особенно многолюдные дни вместе с ним работала его жена или кто-то из детей.

Помимо цветов в киоске была всякая мелочь: леденцы, открытки, милые сувениры. И если мне доводилось попасть внутрь цветочного киоска, то я порой что-то покупал из этого богатства. На мамины деньги, разумеется.

Однажды, мне было тогда лет девять, я спешил домой от друга. Смеркалось, я опаздывал к ужину, за что

неизбежно получал нагоняй от мамы. Цветочник закрывал свой киоск и окликнул меня. Я нехотя остановился: меня учили слушаться старших.

– Здравствуй! – протянул Цветочник мне широкую ладонь.

– Здравствуйте... – Раньше со мной за руку никто не здоровался, это было так по-взрослому, так по-мужски.

– Можешь мне помочь?

Я торопился, но, может, оттого, что меня попросили как взрослого, кивнул.

– Спасибо. Видишь вон тот пакет с мусором? Его надо отнести в контейнер. Я бы сам, но спину прихватило, не разогнуться.

Я посмотрел на Цветочника. Он действительно стоял, чуть согнувшись, и движения его были заметно медлительны.

Взяв мешок, я понёс его к мусорным контейнерам, которые находились недалеко, за универсамом. Мешок был тяжеловат для меня, девятилетнего, но я нёс его, не ворча, а даже с внутренним энтузиазмом. Теперь, если мама будет ругаться за позднее возвращение, я скажу, что помогал человеку, у которого болит спина, и это будет правдой! Забросив мешок в контейнер, я вернулся к киоску доложить о выполненном задании, а может, нужна была ещё какая-то помощь. Но нет, Цветочник уже закрыл шторы, выключал свет.

– Спасибо, сынок!

– Пожалуйста.

– На, держи, матери подаришь.

Он вытащил из большого оцинкованного ведра розу. Я взял розу, шипы слегка укололи мне ладонь (но разве это проблема для мальчишки?!) Как замороженный я смотрел на это чудо. Нежные лепестки укрывали друг друга, и казалось, чем глубже лепесток, тем он нежнее, таинственнее. А как она пахла! Наверное, как и все другие розы, но для меня это был божественный аромат. Даже когда мне будет сто лет и меня попросят вспомнить, как пахнет роза, я вспомню запах той первой розы. Цветочник был доволен моим впечатлением и не торопил выпроводить меня,

хотя стоял уже в дверях с ключом в свободной руке.

В тот день я не бежал, а летел домой. Впервые я дарил маме цветы. И не полевые ромашки, не садовые астры, а розу. И эту розу я заработал. Я был очень горд и доволен собой.

Я окончил школу, и беззаботное детство закончилось. Вместе с ним остались в прошлом детские забавы, игры. Там же остались первые дружбы и разочарования. Я уехал из родного городка, поступил в столичный вуз на журфак.

Наверное, не стоит объяснять, как жизнь большого города увлекла меня, семнадцатилетнего. Родной дом за четырьмя километрами, зато общежитие, институтские друзья, первая любовь, походы в кино, подработки, лекции. Прекрасное время!

На третьем курсе появилось много профильных предметов, и учиться стало сложнее. Но постигать азы журналистики мне безумно нравилось. Я, как и большинство из нас, мечтал стать профессиональным, известным журналистом в борьбе за справедливость и человечность отношений homo sapiens, где бы то ни было. Оборачиваясь в прошлое, вижу, что из всего нашего потока работать со словом остались единицы. И десяти человек не наберётся. Жизнь – мастерица расставлять всё по своим местам.

Педагогический состав журфака был отменным. Это я тоже понял только спустя много лет. Преподаватели не только вложили в наши головы знания, они поделились частичкой своей души.

Стилистику вёл у нас Яков Константинович Овчинников, которого за глаза мы называли Отшельником. На вид ему было лет пятьдесят. Долговязый, худощавый, всегда с лёгкой щетиной, он выглядел уставшим от жизни, словно ему всё надоело. Улыбался Отшельник редко, но и злым его назвать не получалось. Если бы мне требовалось одним словом охарактеризовать его, то я использовал бы: непроницаемый. Не знаешь, о чём он думает, что чувствует и каким будет его следующий вопрос.

На экзаменах Яков Константинович был строг, не позволял попустительству, следил, чтобы мы не списывали. Неустанно повторял: «На ваших текстах будет учиться целая нация». В общем, лекции по стилистике мы старались не пропускать.

На одной из них он заявил:

– Я «автоматом» поставлю «отлично» тому из вас, кто напишет лучшее с точки зрения сюжета и стилистики эссе. Тема «Цветы моего детства». Скажу так: имело смысл потрудиться. Тем более тема показалась мне несложной, в голове сразу возник образ Цветочника из родного города. Я решил написать эссе о нём, и о своей первой розе.

На ноябрьские праздники поехал домой: у матери юбилей. И я с ходу решил поговорить с Цветочником. Холодным осенним вечером я приехал в родной город. Не заходя домой, направился в цветочный киоск, собственно, он был по пути, надо только выйти на одну остановку раньше. Но двери ларька были уже закрыты. Цветочный киоск стоял поникший, с чёрными окнами, напоминающая заброшенный деревенский дом. Я внутренне сжался: вдруг Цветочник уже не работает или, вообще, умер.

Но мама уверила, что Цветочник работает, просто закрывается рано – старый стал, тяжело допоздна сидеть.

На следующий день, сразу после завтрака я отправился к нему. Маловероятно, что он меня вспомнит, но я расскажу о той розе, и может мне повезёт.

– Здравствуйте, – открыл я скрипучую дверь.

Старый колокольчик на двери устало звякнул.

– Доброе утро... – На меня смотрел тот самый Цветочник из детства.

Но как же он постарел! Некогда прямая и коренастая фигура усохла и сгорбилась. Волосы, которые я помнил иссиня-чёрными, стали пепельно-серыми. На носу очки, которых раньше не было. А ведь я не видел его всего несколько лет, хотя наверняка заметил

эти перемены как раз благодаря этому. Те, кто рядом с нами меняются незаметно. И своё взросление мы не замечаем, потому что ежедневно встречаемся с отражением в зеркале. Неизменным у старого Цветочника остались кепка и клетчатый жилет. Хотя их тоже не пощадило время.

– Вам на какое торжество, молодой человек? Любимой девушке, бабушке, учителю?

– Маме на юбилей, пять роз, – проговорил я, хотя денег у меня явно не хватило бы.

– Маме – это важно. Я вам выберу самые свежие, упаковка за счёт заведения, – медленно и как-то уважительно произнёс он.

Я отметил про себя, что так же с уважением он обращался ко мне тогда, девятилетнему. Цветочник, не торопясь, осторожно перебирая цветы, выбрал пять лучших роз.

В этом киоске время остановилось. Бешеный ритм жизни приучил не тратить минуты попусту: дожёвывать на ходу, читать в автобусе, застёгивать пуговицы на бегу. Здесь же хотелось застыть и смотреть на узловатые, но не потерявшие проворность пальцы. Наконец, Цветочник выбрал, упаковал цветы и протянул их мне.

– Поздравьте от меня свою мамушку. Здоровья ей.

– Спасибо, – замялся я, хотя стеснительным не был. – Знаете, я не только за цветами, я ещё и к вам.

– Да? – посмотрел он на меня поверх очков.

– Я учусь на журфаке. И нам дали задание написать эссе на тему «Цветы моего детства». Я хотел бы побеседовать с вами и написать о вас.

– Хм, неожиданно, – протянул Цветочник. – Да что я могу рассказать-то? Вся моя жизнь прошла в этом ларьке, нечего писать-то.

– Ну, может, всё-таки вы согласитесь ответить на мои вопросы?

Я был готов к тому, что он откажет, но старик, помолчав, произнёс:

– Моя жизнь не такая яркая, как эти

205

истории старого цветочника

герберы, молодой человек. Она больше напоминает хризантемы: долго стоят и медленно увядают. Ничего в них не меняется, если вовремя подливать воду. Единственное моё развлечение – собирать истории, которых за мою жизнь накопилось не меньше, чем лепестков на этой астре. Вот эти истории я с удовольствием расскажу вам, если, конечно, вы хотите.

Хочу ли я? Он мог бы не задавать этот вопрос. Мне, как человеку с амбициями, мечтающему о карьере не только журналиста, но и писателя, упускать такой шанс, значит, быть круглым идиотом.

Я поспешно закивал головой, словно если не соглашусь в ту же секунду, то старик передумает.

– Как вас зовут? – спросил я, страшась, что он рассердится: только что

сообщил, что провёл здесь детство, а сам даже имени не знаю.

Но старик с мягкой улыбкой, сощурив чуть раскосые глаза, ответил:

– Самир Салихович я.

– А я – Руслан. Очень приятно, – я протянул ему руку.

Спустя десятилетия вспоминаю это рукопожатие и взгляд усталых мудрых глаз. Гораздо позже я понял, что каждого человека, встречающегося на своём пути, он записывал в свою Книгу Историй. Нет, она не была написана на бумаге, буквы и судьбы отпечатались прямо на его большом сердце.

Ах если бы я тогда знал, какие истории он расскажет, то, наверное, не ушёл бы от него вовсе, потому что три дня выходных так ничтожно мало.

Я поделюсь с вами историями старого Цветочника. Начну с самой первой.

История первая

Цветы с того света

Самир Салихович устало улыбнулся. По его лицу разбежались морщины. Он поправил кепку и жестом пригласил меня пройти за прилавок:

– Молодой человек, заходите сюда. Лишней табуретки у меня нет, но сейчас мы приспособим этот вот ящик. Вы же не против?

– Конечно, нет.

Цветочник сходил в подсобку, принёс куртку, сложил её пополам и накинул на ящик. Пригласил меня сесть.

– Что бы вам рассказать? – поскрёб он в затылке, при этом кепка сползла на глаза. – Пожалуй, расскажу вам историю Гузель и Мурата.

Он поднялся, подошёл к цветам и вытащил алую розу. Засунув в самую её середину нос, втянул аромат цветка.

– Однажды, в августе 93-го, – начал он, – сюда вошёл юноша. Совсем мо-

лодой, наверное, ему было столько же, сколько и вам. Он попросил продать ему триста шестьдесят пять роз. Я ответил, что у меня столько нет, но, если нужно, подвезу. Тогда Мурат, так звали того юношу, ответил, что прямо сейчас ему не надо. Он хочет заплатить за триста шестьдесят пять роз, но просит, чтобы я каждое утро относил по одному цветку его возлюбленной.

В нескольких кварталах отсюда жила его невеста – Гузель. Молодые люди встречались со школы. Очень любили друг друга. Но Мурата призвали в армию, и они были вынуждены на время расстаться. Гузель писала ему почти каждый день. И вот он приехал в отпуск, попросил её руки у родителей. Родители дали согласие, обе семьи были рады этому союзу. Счастьем молодых не было границ.

Но Мурат настоял на том, что свадьбу сыграют, когда он отслужит, чтобы не разлучаться с любимой женой ни на миг. Чтобы скрасить ожидание возлюбленной, он купил у меня цветов сразу на

год. И я каждое утро относил девушке по одной розе.

Знаете, ли вы, молодой человек, что Гузель, в переводе с татарского означает красивая, прекрасная? Так вот это имя необычайно точно подходило девушке. Её мать – русская, и от неё Гузель унаследовала большие глаза цвета неба, белоснежную кожу, мягкую улыбку. А отец – татарских кровей. Подарил он дочери чёрные волосы и брови, горячую кровь и звонкий смех. Гузель была прекрасна, уверяю вас!

А как она любила Мурата, как ждала его! Каждое утро я относил ей розу, самую красивую, самую лучшую. Она целовала её и смеялась: начался ещё один день, значит, скоро он закончится, и день, когда Мурат вернётся, станет ближе...

Цветочник вздохнул, погрузившись в воспоминания. Наверное, он вспоминал красавицу Гузель и её жениха, потому что на его лице блуждала лёгкая улыбка. Скрипнула входная дверь. От неожиданности я вскочил. На пороге стояла сухонькая старушка с зонтом в руках. Глядя на таких стариков, невольно думаешь: в чём душа держится?

– Доброе утро, товарищи, – поприветствовала она нас.

Я чуть было не рассмеялся: времена товарищей давно в прошлом. Но Самир абый остался серьёзным, он приподнял кепку и слегка поклонился:

– Вам, как обычно?

– Нет. Мне сегодня четыре букета. Неделю назад я простилась с лучшей подружкой.

– Мои соболезнования.

Старик складывал по две гвоздики и бережно укрывал обёрточной бумагой четыре букета. Протянул их старушке:

– Упаковка за счёт заведения.

– Благодарю вас. Когда же мой черёд? – вздохнула она и вышла из ларька под серое, брезентовое небо ноября.

Цветочник проводил её усталым взглядом, полным жалости:

– Ей девяносто один, она похоронила мужа и двоих сыновей, вот теперь и подружку. Она путает даты, но закрыты-

ми глазами найдёт могилы близких. Бывает, что приходит два раза в неделю, иногда не появляется два-три месяца. Покупает по две гвоздики на каждую могилу и уходит. Несколько раз рассчитывалась советскими деньгами. Мне жаль её, она так устала жить, но у Бога другие планы на её счёт.

Я быстро делал заметки в своём блокноте. Хотелось догнать старушку. Но что бы я ей сказал? Наверное, просто обнял бы, как один из дорогих её мужчин, которые уже никогда не смогут этого сделать.

– Вы не рассказали про Гузель и Мурата до конца, – спустя некоторое время напомнил я старику, поправляющему астры в вазе.

– Ах да. Гузель и Мурат... – продолжил Цветочник. – Стоял жаркий июль, наверное, самый жаркий за всю мою жизнь. В тот день я припозднился: был привоз новых цветов, я хотел отнести Гузель свежую розу. Позвонил в знакомую дверь, но мне никто не открыл. Только я слышал голоса внутри квартиры. Я тихонько постучал, потом сильнее. Дверь открыла мать Гузель. Вся в слезах, с чёрным платком на голове.

В то утро, опередив меня на час, пришёл почтальон. С похоронкой. Мурат, служивший в так называемой горячей точке, погиб, их машина подорвалась на mine. До его возвращения оставалось два месяца. Шестьдесят роз.

Глаза старика увлажнились. Он подошёл к розам и погладил их нежные лепестки.

– Я не знаю, какие у Бога планы, и как он решает, кому какой срок отмерить. Но почему Мурат, только начавший жить, не познавший жизнь с любимой, не оставив следа на земле, умер так рано? И почему живёт та женщина, которая уже двадцать лет молит только об одном, о смерти?

Мы замолчали, у меня к горлуступил ком, я старательно смотрел в окно и пытался отвлечься. Самир Салихович заговорил первым:

– Через месяц Гузель пришла ко мне

сама. Спросила сколько роз осталось. Я ответил, как есть, шестьдесят. «Тогда я буду каждый день приходить и забирать по два цветка, – ответила она. – Самир-ага, пришёл мой черёд носить ему цветы».

После того как Гузель отнесла на могилу все цветы, она пропала. Я спрашивал у людей, говорили, что они всей семьёй переехали в другой город, чтобы помочь дочери пережить горе, здесь было слишком много воспоминаний. Спустя год она вернулась, купила у меня четыре розы и ушла. Она осунулась, взгляд пустой. Я не стал бередить её ран, хотя и помнил, как эти глаза могут смеяться.

На следующий год она вернулась вновь. К ней потихоньку возвращалась жизнь, я боялся спугнуть расспросами эти крохотные росточки. Гузель приезжала несколько лет подряд. В последний её приезд я увидел кольцо на безымянном пальце.

«Отпустите его, – сказал я ей. – Мурат был бы счастлив, зная, что вы счастливы».

Она кивнула, заплакала и больше не приезжала. Я верю, что где-то там, на небесах Мурат благословил свою возлюбленную на долгую счастливую жизнь.

Цветочник замолчал. Молчал и я. Да и что тут сказать? Я представлял Гузель и Мурата, её тоску, цветы на кладбище. От этого щемило в груди.

Снова скрипнула входная дверь. На пороге пожилая пара желала букет на юбилей. Долго спорили, выбирали между «дешевле», «красивей» и «богаче». Старик молча занимался рутинной: убирал сухие листочки, закреплял поломанные ветки, менял воду. Наконец покупатель договорились:

– Нам букет на тысячу рублей, пусть будет из более дешёвых цветов, но пышный. И без упаковки, – проговорил мужчина.

– Хорошо.

Цветочник выбирал яркие цветы и собирал их в незамысловатый букет.

Он развернул на столе упаковочную бумагу и улыбнулся паре:

– Упаковка за счёт заведения.

– Спасибо, – ответили они дружно.

Наконец старик протянул букет женщине:

– Поздравьте от меня именинницу. Крепкого ей здоровья.

– Благодарю, – она вдыхала аромат цветов, пока муж рассчитывался.

Когда они были уже в дверях, я слышал шёпот мужчины:

– Говорил же, здесь будет дешевле и букет вроде приличный. В том ларьке в два раза больше оставили бы.

Цветочник методично раскладывал по местам упаковку, ножницы.

– Вы не устали за всю жизнь от таких покупателей? – довольно бестактно поинтересовался я, кивнув в сторону двери.

– Люди разные, мне интересно за ними наблюдать, изучать. Нет, я не устал. И знаете, Руслан, – он на распев произнёс моё имя, – каждому посетителю мне хочется собрать прекрасный букет.

– Ясно, – пробормотал я, хотя не совсем понял его.

– Жизнь, она учит терпению и принятию лучше всяких институтов. Уверю вас. Хотите, расскажу ещё одну историю?

– Конечно! – Я с готовностью перевернул блокнот на новую страницу.

История вторая

Железный Дровосек

– Если вы выросли в этом городе, и, как я понял, живёте неподалёку отсюда, то должны знать этих людей. Речь о Железном Дровосеке и его жене. Знакомы с ними?

– Ну, не то, чтобы знаком. Но на лицо знаю точно, особенно Железного Дровосека.

– А почему его так прозвали, знаете? Я кивнул. Как же не знать? У чело-

века, которого все называли Железный Дровосек, отсутствовала одна нога. Вместо неё – металлический протез. Оттого он передвигался, не сгибая ногу в колене. Кто дал ему такую кличку неизвестно, но она подходила ему не только из-за протеза, но из-за его работы тоже. Он работал с деревом и делал очень красивые вещи, от шкапулок до резной мебели. Сам я этим никогда не интересовался, однако ценители ручной работы стояли к нему в очереди.

– Он не всегда был Железным Дровосеком, я ещё помню те времена, когда у него были обе ноги. А вот работать с деревом любил с детства, как и его отец и дед. Была у него и невеста – Юля. Знаете, как её называли?

Я замотал головой.

– Юлька бой-баба, – Самир-абый улыбнулся воспоминаниям. – И эта черта её характера тоже не сразу проявилась. Юля маленькая, про таких говорят: метр с кепкой в прыжке с тумбочки. Она работала на рынке. В те времена магазинов было мало, государственные позакрывались. Всё от продуктов до мебели можно было купить на базаре. Наверняка вы помните то время. Так вот, у Юли была своя точка с одеждой и хорошо подвешенный язык. Она могла заболтать любого, но делала это не напористо, как многие, а мягко. Стоишь, слушаешь её детский голосок, и сам не понимаешь, как купил ещё одну футболку. Она была весёлой девушкой, беззлобной. На ребёнка похожа. Наверное, поэтому и полюбил её угрюмый Семён, тот, что Железный Дровосек. Знал, что так его зовут?

Я вновь замотал головой. Да, с именами у меня какие-то пробелы.

– Так вот, – продолжал старик, – они были очень необычной парой: он высокий, красавец, да только молчун и стеснительный. А она простушка-хохотушка, на неё парни особо не засматривались, хотя страшненькой она не была. Возможно, из-за роста, а может, бойкого характера побаивались.

На заводе, где Семён трудился, случилось ЧП: упал железный стеллаж с инструментами. Да бог с ним, как говорится, только упал он на ногу Семёна, сломав кость в нескольких местах. Врачи говорили: «организм молодой, срастётся». А вышло так, что началась гангрена, и пришлось ногу выше колена ампутировать, чтобы, значит, дальше не пошла зараза.

Трудно представить, что переживал тогда парень. Ведь молодой ещё, жить только начал. На всём теперь крест ставить? Куда на работу устраиваться без ноги?

Мы с его отцом по субботам вместе в баню ходили. Он рассказывал, что сын совсем сник. Они с женой опасались, как бы Семён руки на себя не наложил. Даже всё острое в доме попрятали. Говорил, что только Юля и держит его на этом свете. Каждый день к нему приходит, что-то рассказывает, щебечет... После её ухода парнишка немного оживает, а потом опять замыкается в своей беде.

Они уж ему объясняли, что не смертельная травма, что и без одной ноги прожить можно. Главное – руки работают, голова соображает. Но это ведь только рассуждать легко, а коснись самого, не знаешь, как повёл бы себя. Ни на танцы ему сходить теперь, ни девушку в кино сводить. От инвалидного кресла наотрез отказывался, только дома на нём ездил. Потому на улице почти не бывал.

Но Юля молодец, парня не бросила. Каждый вечер после работы к нему ходила. Вытащила Семёна из тоски, интерес к жизни появился у него. Даже на улицу согласился выйти, правда, ей кресло запретил катить – стыдился. Только отцу разрешал, а матери с невестой нет.

Год прошёл, как ногу отняли, и он решился – сделал ей предложение. Раз столько времени не бросает его, вдруг согласится навсегда с ним остаться. И родители подталкивают, говорят, нехорошо девушке голову морочить.

А Юля на это предложение отвечает: «Я, мол, давно этого ждала. Да только условие у меня одно. Хочу, чтобы ты цветы мне купил, самый красивый букет. А то вон сколько времени вместе, а цветов ты мне ни разу не дарил».

Семён обрадовался, сейчас, говорит, братишку отправлю. А она: «Я и сама сходить могу, где цветы продаются, знаю. Ты сам сходи да купи».

Ух и разозлился тогда парень, уж он кричал на неё, издеваешься, говорит, надо мной. Как я тебе цветов куплю? Ползком на брюхе? Проорался, значит, а как утих немного, Юлька ему говорит: хватит только о плохом думать да жалеть себя, ищи выход из ситуации. Можно протез поставить, говорит.

В общем, молодой человек, всех подробностей я не знаю, отец Семёна тоже по натуре немногословный. Сказал только, что Юля на рынке с кем надо связи налаживать начала. Кому одежду дефицитную привезла, кому скидочку сделала. Все ведь тогда на рынке одевались, со всеми познакомиться можно, только уметь надо. А Юля умела и нашла ходы-выходы в Горздрав.

Тогда всё сложно было, молодой человек. Страна разваливается, кто за что отвечает – непонятно. Завод, на котором парень травму получил, дышит на ладан, им там что-то наплели, наобещали с три короба, а реальной помощи не оказывали. Родители Семёна простые работяги, в разговорах не сильны.

Зато Юля... Юля всё устроила. Смогла-таки Семёна поставить в очередь на бесплатное протезирование. Полтора года он ждал своей очереди. Не знаю долго ли это, но сдаётся мне, что некоторые ждут ещё дольше.

И вот установили Семёну протез, начал он заново учиться ходить. Отец рассказывал, что всякое бывало. И падал, и плакал от бессилия, мозоли натирал. Но научился ходить на железной ноге. Юля всё время рядом была, подбадривала.

Цветочник улыбнулся счастливой улыбкой. В глазах блеснула слезинка:

– Как сейчас помню тот день. Пришёл Семён ко мне на двух ногах, гордый, счастливый. Пришёл за самым большим и красивым букетом для своей Юли. Та уже беременна была, но слово своё держала – пока сам цветы не купишь, в ЗАГС не пойду. И в ЗАГСе, говорят, стоял крепко на двух ногах, даже на руки невесту поднять хотел, но она не разрешила, за ребёночка переживала.

Вот с тех пор и стали называть эту девчущку Юля бой-баба. Наверное, с отца Семёна это и пошло, он же видел, как боролась она за их сына и за своё счастье, как много сделала.

И знаете, Руслан, она ведь и работу для него нашла. Семён деревянных дел мастер, руки у него золотые. Она ему говорит: чего без дела сидеть? Давай шкатулки делай, а я на рынке продавать буду. Начал он с мелочёвки всякой, потом резные рамы для зеркал мастерил, и другие красивые вещи. На них спрос был хороший, потому что цену они не задирали, а к красоте люди во все времена стремились, и на подарки брали. В общем, без заказов Семён не сидел. А как на ноги встал, ещё больше делать смог, его не зря Железным Дровосеком называли. Он и ростом, и трудом своим оправдывал это имя.

Вот такая история, Руслан. Это ведь не только про Юлю и Железного Дровосека, она о терпении, о любви, и о силе духа, – Самир Салихович замолчал.

Я подумал, что на этом всё, а он добавил, отвечая на мой предыдущий вопрос:

– Потому и не надоедают мне покупатели в магазине. Жизнь и меня терпению научила. Без него в жизни никуда, поверьте мне. Иногда самое лучшее – ждать, а не рубить сплеча.

Я закрыл блокнот и вспомнил Железного Дровосека. Как мы с пацанами караулили его за углом и кричали: «Эй, Дровосек, покажи свою железку!» Силился вспомнить его жену, маленькую Юлию с большим сердцем, но не мог. Разве обращал я тогда внимание

на обычных женщин? Конечно, нет. А вот сейчас понял, что «обычных» людей не бывает. У каждого есть своя история.

Я уходил от Цветочника в задумчивости. В голове перемешались люди и лица: Гузель, Мурат, Юля, Семён, старушка, мечтающая о смерти, пожилая пара, считающая рубли... Как много людей! Как много судеб! Мы бежим, торопимся жить, успеть, не упустить, а жизнь она вот тут, вот в этот самый миг.

Жизнь она в маленьком ларьке, в мастерской плотника, в булочной на углу, и даже возле холодного надгробия чья-то жизнь.

История третья Цветы от Бога

На следующий день я пришёл ближе к обеду, хотелось выспаться и насладиться мамиными пирожками. Я взял немного с собой, чтобы угостить старика.

Самир Салихович был в прекрасном расположении духа, насвистывал незатейливую мелодию, когда я вошёл в киоск.

– Добрый день, Руслан, – не отрываясь от дела, приветствовал он меня. – Вы пробудили во мне воспоминания, я еле уснул этой ночью. Жена даже грозилась спровадить меня на диван. Но мне кажется, я даже чувствую себя лучше, чем вчера.

– Я рад, – выкладывая на стол блокнот и пакет с пирожками, ответил я. – Вот гостинцы от мамы.

– Благодарен. Сейчас я поменяю воду хризантемам, и попьём чаю. Включите пока кипятильник.

Я занялся приготовлением чая. Наконец старик освободился и подсел ко мне, на единственную табуретку. Я привычно устроился на ящике.

– Ваша мама прекрасно готовит, – жуя яблочный пирожок, довольно протя-

нул он. – В меру сладко и вкусно. Передайте ей мою благодарность.

– Угу.

– Знаете, мне хочется верить, что однажды я сделал слаще жизнь двум детям. Хотите, расскажу ещё одну историю?

– Конечно! – я с готовностью раскрыл блокнот.

– Случилось в начале двухтысячных так, что у меня резко увеличилось число покупателей-мужчин. Каждый день приходило их по несколько и покупали розы. Кто-то ограничивался одной, а кто-то покупал сразу букет. С одной стороны, я обрадовался, но с другой, мне стало жутко любопытно, с чего бы мужчины так активизировались. Восьмое марта отмечали квартал назад, каких-либо значимых праздников нет. Тогда я набрался наглости и проследил за одним из покупателей. Уверю, это совсем не в моих правилах, но настолько сильно меня охватило любопытство. И знаете, что я разузнал?

Я пожал плечами, мне точно не в силах разгадать эту загадку.

– Оказалось, что в двух кварталах отсюда открылся новый продуктовый магазин. И цветы, которые скупали мужчины, предназначались продавщице этого магазина. Не знаю, что такого было во внешности этой дамы, я не силен в описаниях. Она была утончённой, красивой и недосыгаемой. Она мягко и вежливо разговаривала. Была в ней какая-то аристократичность. Мужчина, за которым я проследил, подарил ей только что купленный у меня букет из пяти роз. Женщина благосклонно приняла его и ответила улыбкой. Я поспешил вернуться к своим цветам, вопросов у меня стало ещё больше. Что это за женщина? Почему ей дарят цветы мужчины? Ответ пришёл сам. Вернее, она пришла ко мне прямо сюда и всё рассказала.

Это случилось ранним утром, я только открывал дверь, как услышал торопливые шаги. Обернулся – она. «У меня очень мало времени, пожалуйста, помо-

гите мне. Научите меня, как ухаживать за цветами, чтобы они дольше стояли и не увядали», – сказала она.

Она была взволнована, но даже в эту минуту держалась с достоинством, как настоящая королева. Я решил разузнать, в чём же секрет. И ответил ей прямо: «Я расскажу вам всё об уходе за розами. Вас ведь именно они интересуют?» Она смутилась и кивнула. «Отчего мужчины нашего города будто сошли с ума и дарят вам цветы? Ни дня не проходит, чтобы кто-то не купил для вас роз. Конечно, для меня это выгодно. Но для чего это вам?» Она покраснела: «Я не знаю, почему они дарят мне цветы. Я никогда ничего не просила, но вы правы, они как будто сошли с ума. Вначале я отказывалась от цветов, ведь мне не нужны знаки внимания незнакомых, и вероятно, женатых мужчин. Но они продолжали дарить. И тогда моя мама придумала перепродавать их. Поверьте, я бы сама никогда до этого не додумалась, и будь в другом положении, не согласилась бы вовсе. Но я недавно развелась с мужем и переехала сюда, к маме. Денег катастрофически не хватает, бывший муж почти не помогает. Мы живём на мою зарплату и мамину пенсию. Она торгует на рынке овощами с дачи. Вот теперь и цветами, которые мне дарят. Она меня долго уговаривала прежде, чем я согласилась. Но я ей поставила условие – на деньги, вырученные за цветы, она покупает сладости детям. Они оба у меня сладкоежки, но пришлось ограничить, потому что их попросту не на что купить. В выходные мы с мамой печём пироги, но как говорит моя дочь: пирог не ровня шоколадке. Не ругайте меня, пожалуйста, я действительно ни у кого не прошу подарков, они сами дарят».

Как я мог её ругать? Да и вообще кто я такой, чтобы осуждать чьи-то поступки? Единственное, что я мог сделать – рассказать ей об уходе за розами.

Цветочник замолчал, улыбаясь своим воспоминаниям.

– А вдруг она вас обманула, Самир-

ага? Могло такое быть? – решил я прервать его мысли. – Может, не было никаких детей, умирающих без конфет?

– Она говорила очень убедительно, я поверил, но потом, когда она ушла, ко мне тоже закрались сомнения. Я обзывал себя лопухом, который поддался женским чарам. Но в выходные она пришла ко мне с детьми и принесла пирожки. Совсем как вы, молодой человек, с яблоками. А ещё через пару недель мне рассказала о ней жена, городок ведь небольшой, и жили мы неподалёку друг от друга. И то, что она рассказала, совпадало с «показаниями» женщины. Правда о цветах она не знала, я и не стал её посвящать.

– А что потом случилось с этой дамочкой? Неужели так и носили ей цветы?

– Потом она снова вышла замуж и уехала из нашего города. Но задолго до этого мужчины резко перестали покупать для неё розы. Однажды мы встретились на рынке, она сказала, что не иначе как Бог берёт её тогда и направлял мужчин с цветами. Чтобы она смогла выжить и побаловать своих деток. «И дело не только в деньгах, а в том, что это дарило мне чувство защищённости и веру в то, что всё наладится», – сказала она тогда. Ведь получается, что, когда ей было очень трудно, появились эти розы. А как она немного окрепла, нашла хорошую работу, так в одночасье цветы дарить перестали.

Мы сидели со старым Цветочником и уплетали пирожки с яблоками. Чай давно остыл, но подогревать его и нарушать это тихое мгновение не хотелось. Старик погрузился в свои воспоминания, я представлял себе женщину, гордо держащую спину и двух деток с конфетами. Смешно, но там в моём воображении она была одета как дама восемнадцатого века. Не знаю уж почему.

Я давно уже не юноша, за моими плечами десятилетия. Но до сих пор пирожки с яблоками ассоциируются у меня с этой историей. Ещё, будучи

студентом, я попал в одну неприятную историю. Бродил тогда по городу, не зная, что делать, забрёл в какую-то кафешку и положил на поднос первое, что увидел на прилавке. Это были пирожки с яблоками. Когда откусил от первого пирожка, вспомнил эту женщину, Самира-абый и подумал: Бог меня не бросит!

Так оно и вышло...

Мы доели пирожки с яблоками как раз вовремя – в ларёк заглянул молодой мужчина:

– Соберите мне, пожалуйста, букет роз, я иду знакомиться с родителями девушки.

– Если хотите произвести впечатление, то подарите букет невесте и её маме, – посоветовал Цветочник. – Мож-но одинаковые, но в разной упаковке.

– Отличная идея! Давайте два по пять роз в каждый, нет, давайте по семь! – радостно потёр руками мужчина.

Пока Самир Салихович собирал букеты, я думал есть ли среди моих однокурсниц та, которой я хотел бы подарить цветы. Наверное, нет, раз ни одно имя сразу не пришло на ум. Интересно, встречу ли я такую девушку, на родителей которой захочется произвести впечатление? Надеюсь, да. Особенно после тех рассказов, которые поведал мне старый Цветочник. Хотелось встретить такую бойкую, как Юля, красивую, как Гузель и аристократичную, как ту женщину, имени которой Цветочник не назвал.

– Хорошего вам дня, – наконец старик протянул букеты мужчине. – Пусть всё сложится наилучшим образом.

Я наблюдал в окно, как он заботливо укладывал розы на заднее сиденье авто.

– Дарить женщинам цветы – что может быть прекраснее? – улыбнулся Цветочник. – Даже маленький бутончик неслыханно радуется их, они расцветают, они ведь сами, как цветы.

История четвёртая Маленький букет от большого сердца

– Однажды сюда зашёл мальчик, наверное, учащийся старших классов, – начал Самир Салихович, а я перевернул страницу блокнота. – Он долго изучал цветы, робко спрашивая о стоимости. Я не выдержал и начал выведывать, кому он хочет их подарить. На что он ответил: женщинам. «Что, сразу всем?» – засмеялся я. Он кивнул и сказал, что ему очень жалко женщин, у них всегда много работы и от этого уставший вид. У него было три старших сестры, все замужем и растят деток. И мама, которая вечно в заботах и смеётся только в день рождения и на Восьмое марта, когда ей дарят цветы и оказывают знаки внимания. Я тогда сказал ему, что лучший подарок – его помощь и хорошая учёба. Но он был непреклонен, он хотел цветов и, желательно, для всех женщин на свете. – Цветочник улыбнулся, вспоминая паренька, взгляд потеплел от воспоминаний. – В тот день я предложил такой вариант: он идёт в поле и собирает красивые полевые цветы, приносит их сюда, а я помогаю оформить их в букеты так, чтобы они смотрелись презентабельно. Коля, так звали того юнца, согласился и вечером стоял вот на этом месте с охапкой ромашек, васильков, колокольчиков. Около трёх часов мы разбирали их. Я показывал, рассказывал, пояснял для того, чтобы он мог делать это самостоятельно. Наконец, мы собрали семь милых букетов, обернули в упаковочную плёнку, добавили в каждый по гербере или гвоздике. Получилось весьма неплохо. Коля был счастлив. На следующий день он прибежал ко мне, рассказать, как всё прошло. Он добился своего – мама улыбалась весь вечер. Остальные букеты он подарил сёстрам и соседкам.

Самир-ага подошёл к герберам и нежно провёл пальцами по их длинным лепесткам.

– А что с Колей было дальше? – не выдержал я.

– Покуда были цветы в полях, он приходил ко мне с охапками. Он научился выбирать красивые и прекрасно сочетающиеся цветы. Зимой Коля заглянул всего один раз, купил кустовых хризантем. На все деньги, что сумел скопить за это время. Я предложил розу для матери, но он отказался, сказав, что брать их бесплатно ему не позволяет совесть. Коля пришёл ко мне летом, сказал, что поступил в медицинский университет и уезжает из города. Поблагодарил за науку составлять букеты, обещал заходить за цветами.

Старик опять замолчал.

– А дальше?

Эта история отличалась от остальных своей обыденностью и, признаюсь, разочаровала меня. Ну, дарит парень цветы всем женщинам подряд, что в этом такого, если ему нравится?

– Конечно, он приходил сюда, приезжая к родителям: не мог прийти к маме без букета. А через шесть лет вернулся окончательно. И до сих пор живёт, и работает здесь. Коля, а ныне Николай Сергеевич Земский, стал женским врачом. Я не очень-то в этом понимаю, но к нему стоит очередь из женщин. Когда моя жена носила детей под сердцем, она просила договориться, чтобы именно Земский курировал беременность. Женщины его обожают, он внимательный, всегда выслушает, поможет, и как говорит жена: осматривает так, что и рук, и инструментов не чувствуешь. На кресло беременных не загоняет. Если видит, женщине тяжело, приглашает её мужа на следующую приём и объясняет на медицинском языке, что происходит с женщиной и как её нужно беречь. Повторюсь, дамы нашего города в восторге от Николая. Он так и не женился, говорит, что не может служить одной женщине. Как и тогда хочет сделать всех женщин мира счастливыми. И делает это в меру своих сил. Порой ведь так мало надо: тёплое слово и внимание. У нас с Николаем договорённость: каж-

дый месяц десятого числа он приходит за цветами. Иногда он дарит их коллегам, иногда отвозит в дом престарелых. В общем, у него много «цветочных подопечных». И знаете, молодой человек, я никогда не слышал, чтобы у женщин из-за этого были скандалы с мужьями. Наоборот, некоторые становятся внимательнее к своим вторым половинкам, как будто Николай даёт им тайный знак.

Я задумался. История оказалась глубже, чем мне показалось вначале. Она была не о мальчике, желающем осчастливить всех женщин, она была о предназначении. Получается, предназначение того мальчика – делать женщин здоровыми и чуточку счастливыми, возвращать им внимание мужа.

Я подумал, а какое предназначение у меня? Что хорошего я несу в этот мир? Как я могу изменить его к лучшему?

Цветочник, будто услышав мои мысли, сказал:

– Не бывает маленьких людей. Каждый рождается для чего-то, несёт в себе посыл этому миру. Любой может изменить мир к лучшему, если не весь, но тот, что рядом точно. Коля не сможет осчастливить всех женщин мира, но он делает то, что в его силах. И дело не в цветах, цветы – это его прихоть, пунктик. Дело в отношении к женщине. Всякую он уважит, выслушает, поможет, сделает всё, чтобы облегчить её тяжёлую долю. У него достаточно любви и для молодой красавицы, и для сморщенной старухи.

– Совсем как у вас, Самир-абый, – прошептал я. – Вы одинаково тщательно выбираете дешёвый букет и дорогой, одну герберу и букет из десяти цветов.

– А как иначе, Руслан? Все нуждаются в уважении. Мне хочется верить, что и я сделал этот мир лучше.

– Сделали, уверяю вас, сделали.

– Это хорошо, – улыбнулся старик.

Каждая история, которую рассказал мне старый торговец цветами, несла в себе тысячу смыслов и значений. Перечитывая их через десятки лет, я всякий

раз находил новое для себя, сопоставлял людей и поступки. Догадывался ли Цветочник, какой клад он носил в себе?

Понимал ли я тогда, что мне повезло достать этот клад на божий свет, смахнуть со шкатулки пыль и явить миру?

Послесловие

Именно в тот день я впервые задумался об этике своей работы. Конечно, на журфаке нам говорили об этом, но там это было теоретически. А сейчас я рассуждал о том, насколько слово может помочь или ранить. Может воскресить, а может и убить. Думал о том, как важно быть честным, прямым и бережным одновременно. Я пообещал себе, что никогда не буду строить карьеру, растапывая души, никогда не пойду на сделку с совестью.

Когда я вернулся домой, мама сообщила, что завтра муж её приятельни-

цы едет в столицу и согласился взять меня с собой. Я знал, что у родителей финансовые трудности, а попутная машина означает экономию и возможность взять больше продуктов из дома.

Утром перед отъездом забежал в ларёк на перекрёстке Некрасова и Лесной, но Самир Салихович ещё не пришёл. На двери висел амбарный замок, шторы на окна задёрнуты. Я оставил в дверях записку.

Вернувшись в институт, долго работал над своими записями, Сдавая свой труд Отшельнику, я волновался, как на вступительных экзаменах. Ещё месяц мы ждали проверки работ. В итоге Яков Константинович особо отметил мою работу и поставил «отлично» автоматом. Но это почему-то не очень обрадовало меня. Оценка оказалась не так важна в сравнении с тем, что я получил для себя от встреч с цветочником и его рассказов. Я был юн, впечатлителен, и истории живой жизни остались во мне добрыми, поучительными уроками на всю жизнь. В том числе и история девятилетнего мальчика, который в первый раз подарил розу своей маме.

